

В. О. Коммиссаржевская.

(Къ годовщинѣ со дня смерти).

Статья Осипа Дымова.

Про нее писали:

— Коммиссаржевская не историческая фигура, но она наша родная, своя, бесконечно-близкая, милая.

Но въ семьѣ столѣтисотнаго милліоннаго народа милохъ могилъ не бываетъ, не можетъ быть. У народа есть историческія могилы, гдѣ похоронены бранные останки историческихъ личностей, и такія могилы достойны уже не слезъ, а великихъ традицій и памяти на времена и времена. Не суетная скорбь собрала десять тысячъ у маленькаго, плотно и глухо западнаго цинковаго гроба, а глубокое преклоненіе предъ этой странной прекрасной актрисой, жизнь которой послѣ точки, поставленной въ Ташкентѣ, вдругъ вся освѣтилась ровнымъ немеркнущимъ свѣтомъ исторіи.

Въ какую грандіозную демонстрацію горя, любви и одиночества превратились похороны Коммиссаржевской! Люди, старше меня, говорили, что со времени Тургенева не было такихъ похоронъ. Не боясь впасть въ преувеличеніе, можно смѣло сказать, что смерть Коммиссаржевской явилась національнымъ народнымъ трауромъ. И это уже первый отвѣтъ на мнѣніе:

— Она не была исторической фигурой.

Историчность какой-либо личности имѣть въ виду не размѣры ея, а ея положеніе, ея характеръ, ея окраску.

Вспомнимъ образы, созданные Коммиссаржевской. Оглянемся на длинную вереницу всѣхъ этихъ Марикъ, Элиетъ, Норъ, Безприданницъ, Дикарокъ, Сестеръ Беатрисъ, героинь Зудермана, Шницлера, Чехова, Потапенко, Трахтенберга, Метерливка и д'Аннунціо. На всѣхъ этихъ женщинахъ, чья короткая, яркая, поэтическая и

оскорбленная жизнь длилась менѣе чѣмъ четыре часа—отъ восьми до половины двѣнадцатаго—на всѣхъ этихъ женщинахъ, рожденныхъ силой вдохновенія покойной актрисы, лежала печать какой-то экзотичности и чего-то иноземнаго, иностраннаго въ лучшемъ значеніи этого слова. У нея было множество и порою даровитыхъ подражательницъ. Почти весь русскій театръ за послѣднія семнадцать-восемнадцать лѣтъ былъ овѣянъ своеобразнымъ очарованіемъ этой удивительной актрисы. Иноземность и экзотичность, которыя она такъ щедро и ярко вливала въ русскій театръ и оттуда въ русскую жизнь—были не прихотью или капризомъ ея, не случайнымъ налетомъ, не излишествомъ—въ чемъ ее часто упрекали,—а имѣли глубокіе, цѣпкіе и надежные корни въ черноземѣ русской дѣйствительности. Всѣмъ своимъ существованіемъ, всей дѣятельностью она была органически связана съ основными нотами русской дѣйствительности, ея времени, и ея жизнь была какъ-бы цвѣткомъ на стеблѣ нашего еще слишкомъ близкаго и слишкомъ памятнаго прошлаго.

За два послѣднихъ десятилѣтія Россія подвергалась сильному непрерывному вліянію Европы. Цѣлый рядъ идей, настроеній, мыслей, именъ проникъ въ Россію съ запада—и эти идеи и настроенія своеобразно окрашивались на русской почвѣ.

Уже начиналась борьба съ матеріалистическимъ мирозерцаціемъ, съ Махайловскимъ, съ догмами марксизма. Въ сознаніе русскаго общества были брошены новыя мысли, новыя предчувствія, навѣваемые сосѣдствомъ Европы. Въ большую публику все сильнѣе проникали гениальныя догадки Ницше, его огненные парадоксы, его безумныя, по смѣлости, мечтанія. Цѣлая фалан-

га именъ, до сего у насъ совершенно невѣдомыхъ, переводится на русскій языкъ. „Сѣверный Вѣстникъ“ печатаетъ странную волнующую необычную драму подъ названіемъ „Гедда Габлеръ“, прекраснаго незнакомца Генриха Ибсена. Имена Гауптмана, Шницлера, Метерлинка, д'Аннунціо, Ростана, Пшибышевскаго, Зудермана и др. дѣлаютъ

обычными даже въ глухой провинціи.

Обновленный новый стихъ, новые напѣвы, новый ритмъ поэтического склада доходить къ намъ въ этотъ же періодъ. Мы знакомимся съ Маларме, Бодлеромъ, Верленомъ. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ теченій, идущихъ съ запада, возникли тѣ имена русскихъ поэтовъ, которыя сейчасъ общепризнаны: вспомнимъ хотя бы Бальмонта и Брюсова.

Уже затихала оглушительная слава Надсона и меньше читался Некрасовъ.

Въ критической и публицистической мысли появились и заставляли себя слушать русскіе европейцы: Мережковский, Волинскій и Минскій.

И надъ всѣмъ этимъ, какъ русское низкое прекрасное небо, парилъ Чеховъ.

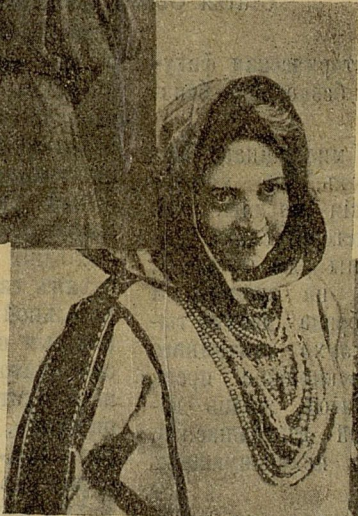
Въ эту эпоху, въ это время, на этомъ фонѣ появился и выросъ въ одну ночь, въ одинъ театральнѣйшій вечеръ талантъ Комиссаржевской. Она не училась играть, она пришла и сказала то, что было нужно—сразу, безъ подготовки, такъ, какъ поэтъ птица въ лѣсу. Отъ неудавшейся личной жизни она кинулась на атмосферу элохи. Съ необыкновенной чуткостью она уловила ритмъ жизни, дыханіе эпохи. Она какъ бы была уполномочена нашимъ поколѣ-

ніемъ на вдохновеніе и въ этомъ была сущность ея таланта и ея незабываемое значеніе. Смутная исканія русской молодежи, чаянія задыхающейся, подневольно молчавшей страны, мечты о томъ, что жизнь можетъ, жизнь должна быть прекрасной, отразились и совпали съ удивительнымъ дарованіемъ Комиссаржевской.

Ея служеніе театру было похоже на какое-то предопредѣленіе, на исполненіе чьей-то скрытой воли и, когда она говорила на сценѣ—пусть чужія слова, пусть реплики нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ авторовъ—поистинѣ ея устами говорила сама эпоха, на-двигающіяся переживанія русской исторіи.

Ларисса Островскаго, вѣроятно, была иначе задумана авторомъ, и Нора также, и Маривка Зудермана также, и Элина у Гамсуна также. Но за зудермановской Маривкой, и за Дигаркой и за всѣми фигурами ея репертуара въ ея воспроизведеніи вставалъ духовный обликъ новой, современной намъ близкой женщины. Она пользовалась репликами ав-

торовъ, ихъ словами, ихъ техникой, ихъ изображеніемъ и, какъ поэтъ, какъ истинный художникъ, создавала, рождала, воплощала: свой замыселъ, свое отношеніе къ міру. Она дала и завѣщала намъ образъ новой женщины, которой близки были всѣ тончайшія трапе-

танія нашего времени, всѣ исканія и переживанія, всѣ возможности и всѣ дерзновенія. Она стояла на рубежѣ двухъ столѣтій, на грани эпохъ, на сквознякѣ, обвѣваемая всѣми вѣтрами, которые приносились съ запада и съ востока, съ юга и съ сѣвера. И это ея мѣсто было исторически нужно, исторически вѣрно и почвенно. Я женщина—дочь эпохи, та, которую Комми-

ссаржевская создавала сть восьми до половины двѣнадцати, какъ бы говорила:

— Мы тѣсно въ рамкахъ территоріи, языка, быта, религіи. Мы нуженъ весь земной шаръ, мысли всѣхъ языковъ и всѣхъ странъ. И еще больше!

Она всегда и неизмѣнно говорила о порывахъ новой современной женщины и тѣмъ самымъ пѣла современную Россію.

Коммиссаржевская была вѣщей птицей, она была изумительная Соня изъ „Дяди Ваня“. Она была бѣлой чайкой на берегу надвигающейся рѣки русской исторіи. Въ ея голосѣ угадывалось, что-то вѣщее, и во взмахъ ея бѣлыхъ крыльевъ былъ отвѣтъ идеи, пославшей и благословившей ее на служеніе и подвигъ.

Такова ея жизнь, тѣсно сплетенная съ духовными переживаніями ея современнаго поколѣнія, съ исканіями новыхъ формъ во всѣхъ областяхъ мысли, съ историческимъ моментомъ, пережитымъ страной. Но такова и ея смерть. Истинно-историческія фигуры освѣщены особымъ свѣтомъ жестокой логики: онѣ живутъ и умираютъ вмѣстѣ со своимъ временемъ — какъ умираетъ

Господа „истина живетъ 17—18 лѣтъ“ — сказалъ Ибсенъ, одинъ изъ любимыхъ авторовъ покойной Коммиссаржевской; 17—18 лѣтъ, т. е. одно поколѣніе, т. е. время, нужное для того, чтобы явилась и развилась новая генерация сть

Другими, новыми настроеніями и сть новой истиной.

Ровно 17—18 лѣтъ длилась дѣятельность Коммиссаржевской. Именно столько времени она пробыла на сценѣ и умерла

въ тотъ моментъ, когда сказала: „Я ухожу изъ театра“. Какъ будто на точнѣйшихъ вѣсахъ было взвѣшено ея существованіе — да, на вѣсахъ исторіи: они всегда точны.

Нора, въ глухую ночь, покинувъ мужа, дѣтей и уютъ домашняго очага, уходитъ... Куда? Самъ Ибсенъ не могъ на это отвѣтить. Но теперь мы знаемъ куда: въ Ташкентъ, въ одинокую-комнату провинціальной гостиницы, въ больницу и

въ глухо и плотно запаанный цинковый гробъ. Закончился путь, закончилось исканіе чуда. Но развѣ смерть ея не была предсказана ею самой? И много разъ громко, во всеуслышаніе? Та новая женщина, которая изъ нѣжившихъ струнъ души покойной Вѣры Θεодоровны рождалась каждый вечеръ въ 8 часовъ съ поднятіемъ занавѣса и, переживъ менѣе чѣмъ въ четыре часа всю свою тонкую глубокую одухотворенную женскую жизнь, — развѣ она не умерла въ послѣднемъ актѣ — внезапно, грубо, неожиданно, какъ отъ руки палача? Въ каждой песнѣ былъ предуказанъ путь Коммиссаржевской. Мы всѣ это видѣли, знали, но боялись вѣрить, не хотѣли вѣрить.

Окончился подвигъ, исполнена миссія и она ушла. Прилетать другія птицы и спокоть другія пѣсни.

растѣ капитанъ на своемъ тонущемъ кораблѣ.

Сейчасъ на нашихъ глазахъ кончилась какая-то очень важная полоса жизни. Балансъ началъ сводиться съ 1905 года и окончательный подсчетъ сводится теперь. Разбить огромный запасъ надеждъ, не осуществились чаянія. Мы переживаемъ политическій и общественный кризисъ. Объ этомъ не стоитъ распространяться.

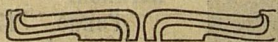
На берегу рѣки русской исторіи Коммиссаржевская была первой ласточкой новаго искусства, которое не знаетъ границъ языка, территоріи, государства, быта и расширяетъ вѣѣ лингвистики, вѣѣ условностей, вѣѣ всякихъ вѣѣшнихъ рамокъ. Она черпала матеріалъ для воплощенія своихъ поэтическихъ созданій отовсюду, гдѣ только находила: у Чехова и Ибсена, у Зудермана и Потапенко. Потому что человеку нужно не столько-то и столько земли, а весь земной шаръ. Оставаясь вѣѣрной дочерью эпохи, выражая голосъ времени — она работала на дѣѣло вѣѣвременнаго искусства, умерла за высшую цѣѣнность человѣческаго духа, свободной отъ рамокъ, не стѣѣсненную вѣѣшними условіями.

Коммиссаржевской уже нѣѣтъ. Но есть и будетъ жить всегда прекрасная легенда о Коммиссаржевской. Вмѣѣстѣ съ этой удивительной актрисой умерла полоса исторіи. Смерть Коммиссаржевской это—смерть нашей молодости.

10-го февраля 1910 г. мы потеряли ее, отдавъ могилѣ. Но мы вторично должны отдать ее—исторіи. Въ этомъ одномъ наше великое сокровище смиренныхъ, наше молчаливое и глубокое утѣѣшеніе.

(„Всесообщ. журн.“).

Осипъ Дымовъ.

Памяти В. Ф. Коммиссаржевской.

Прошелъ годъ, а острота утраты нисколько не сгладилась. Напротивъ. Она ощущается еще рѣѣзче, потому что, вѣѣдь, на сѣѣмну Коммиссаржевской не пришелъ никто... Пустота, образовавшаяся въ сердцѣ, зияетъ попрежнему. Пока Коммиссаржевская была жива, пока она среди насъ свершала свое великое служеніе искусству, намъ вѣѣсѣмъ было интереснѣѣе жить. Любовались ея талантомъ, слагали въ честь ея дионирамбы, готовы были молиться на нее, а когда она, отрѣѣшившись отъ себя, безудержно бросилась въ бурный водоворотъ поисковъ новаго слова въ сценическомъ искусствѣ, прощали ей всѣѣ ошибки, потому что ей... нельзя было не простить, она всегда, вездѣ неизмѣѣнно оставалась для насъ чудесной мечтой, неозримой грезой, съ которой, развѣѣ полюбивъ, невозможно было разстаться. Въ ней чувствовалось нѣѣчто большее, чѣѣмъ искусство актера. Мало ли прекрасныхъ актрисъ? Слава Богу, не оскудѣѣѣли талантами русскій театръ! Но вотъ индивидуальности подобной Коммиссаржевской не было, неизвѣѣстно, будетъ ли когда-нибудь снова. Во всякомъ случаѣ не на нашемъ вѣѣку.

Что же такое было въ Коммиссаржевской, сообщавшее ей нѣѣкую идеалистическую окраску?

Душа русской женщины, бездонная какъ мо-

ре и какъ оно загадочная, таинственная, манящая...

Эта душа неотразимо притягивала къ себѣ всѣѣхъ и обвѣѣвала мягкой нѣѣжной лаской. Она смотрѣѣла на насъ черезъ глаза, такіе огромные, такіе прекрасные, такіе печальные и мы чувствовали, какъ подъ эѣѣтимъ взглядомъ начинало шевелиться что-то доброе и чистое, запрятанное гдѣ-то глубоко внутри насъ, даже не сознаваемое нами.

Эта душа, бездонная какъ море, отражалась во всѣѣхъ образахъ, которые артистка создавала на сценѣ, расширяя неизмѣѣнно рамки, поставленные драматургомъ. Такъ это бываетъ всегда, когда къ произведеніямъ автора подходитъ исключительная индивидуальность, одаренная слишкомъ большимъ внутреннимъ содержаніемъ.

И теперь нѣѣтъ съ нами больше такой души, никто не обвѣѣетъ насъ лаской и мы бродимъ осиротѣѣлые, унылые, грустные...

Былъ театръ Коммиссаржевской...

Нѣѣтъ и его. Объ этомъ точно нарочно напоминаетъ афиша, всякій разъ, какъ приходишь на Офицерскую: „бывшій Коммиссаржевской“... Да, да! Именно „бывшій“... О немъ, вѣѣдь, напоминаетъ лишь внутренняя отдѣѣлка, да занавѣѣсъ работы Блеста. Больше ничего! Духа прежняго — какъ не бывало. Положимъ, тамъ было много страннаго, раздражающаго. Стояли на ложномъ пути, что потомъ сами же и сознали. Пусть такъ. Но по крайней мѣѣрѣ было изъ-за чего волноваться, о чѣѣмъ поспорить, и перо скорѣѣй летало по бумагѣ. А теперь? Ничего нѣѣтъ волнующаго въ петербургской театальной жизни, и даже тотъ, кто былъ виновникомъ кутерьмы, В. Э. Мейерхольдъ, просто превратился въ тихую овцу. Взявъ мы получили три оперетки, которыя всѣѣ выдерживаютъ конкуренцію, вотъ что знаменательно. И самъ театръ „бывшій Коммиссаржевской“ уже сдается отъ имени... г. Брянского, какъ о томъ вѣѣбываетъ объявлять приглашая обращаться за условіемъ вѣѣ... «Буффъ». И кто знаетъ, что воцарится въ будущемъ сезонѣ на томъ мѣѣстѣ, которое освящено творческой дѣѣятельностью великой артистки, именно тамъ принесшей въ жертву самое себя, потому что еѣѣ это въ тотъ моментъ казалось нужнымъ для торжества какой-то внутренней правды, потому что торжество опредѣѣленной идеи представлялось ей важнѣѣе даже собственныхъ триумфовъ. Во имя этой идѣѣи артистка отказалась отъ лавровъ. Развѣ тутъ не было подвига? О, конечно, да и эта красота подвига, о а-то именно и освящаетъ театръ на Офицерской гораздо больше, чѣѣмъ маленькій уютный залъ „Пассажа“, гдѣ проходили первые сезоны широкой дѣѣятельности Коммиссаржевской. Тамъ былъ просто очень хороший театръ. Но подвига не было. Жертвѣѣ никакихъ не приносилось. Бороться приходилось только съ цензурой. На Офицерской же шла борьба съ самими собой.